

Фрэнсис Брет Гарт

Удивительная шайка

Повести-пародии

Фрэнсис Брет Гарт

Удивительная шайка

«Public Domain»

1867

Брет Гарт Ф.

Удивительная шайка / Ф. Брет Гарт — «Public Domain»,
1867 — (Повести-пародии)

«Это было скромное селение в Новой Англии. Нигде в долине Коннектикута осеннее солнце не освещало более мирной, идиллической и промышленной общины. Мушкатные орехи медленно созревали на деревьях, а белые сыры для употребления жителей Запада постепенно округлялись под твердую трудолюбивую рукою американского ремесленника. Честный коннектикутский фермер спокойно собирал в своей житнице черные бобы, которые, если мешать их с овсяною мукою, составляют приятную замену пищи в цивилизованной Европе. Все было тихо, точно в воскресенье. Доэмовиль был всего в семи милях от Гартфорда, и окрестный ландшафт был весел – от убеждения, что он вполне застрахован от нападения...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Фрэнсис Брет Гарт

Удивительная шайка, или Мальчик-Атаман, Юный Политик и Чудо-Пират

Это было скромное селение в Новой Англии. Нигде в долине Коннектикута осеннее солнце не освещало более мирной, идиллической и промышленной общины. Мушкатные орехи медленно созревали на деревьях, а белые сыры для употребления жителей Запада постепенно округлялись под твердую трудолюбивую руку американского ремесленника. Честный коннектикутский фермер спокойно собирал в своей житнице черные бобы, которые, если мешать их с овсяною мукою, составляют приятную замену пищи в цивилизованной Европе. Все было тихо, точно в воскресенье. Доэмовиль был всего в семи милях от Гартфорда, и окрестный ландшафт был весел – от убеждения, что он вполне застрахован от нападения.

Немногие поверят, что это мирное селение было родиною трех юных героев, о подвигах которых поговорим впоследствии – но мы забегаем вперед.

Досивильская академия была главным ученым собранием в стране. Под серьезным и мягким управлением почтенного доктора Контекста, она достигла вполне заслуженной популярности. Однако, с годами усилившиеся недуги старости принуждали доктора во многом доверяться своим помощникам, которые, нечего и говорить, злоупотребляли его доверенностью. В скором времени их грубая тирания и полное недоброжелательство сделалась явными. Мальчиков положительно заставляли учить их уроки. Трудно поверить столь отвратительному факту, но во время учебных занятий ученикам приказывали сидеть на местах по крайней мере с наружным видом дисциплины. Можно вполне верить свидетельству того, кто утверждал, что было запрещено катать по полу шары от крокета во время урока, – под дьявольским извинением, что это мешает занятиям. Было запрещено бить стекла мячами и бить палками младших школьников. Ко всему этому младшие учителя, напыщенные и дерзкие, благодаря своей победе, сбросили маски и показались в своем настоящем свете. Во время молитвы изо рта приходящего ученика была вынута сигара! Из ящика у другого вынули бутылку с водкой и выбросили за окно. И наконец бесчестие, Кража со взломом, Воровство и Ложь почти впали в уныние.

Могло ли американское юношество, сознавая свою силу и имея собственную литературу, покорно смириться перед этою тираниею? Никогда! Мы твердо это повторяем. Мы повторяем это родителям и опекунам. Никогда! Но злобные гувернеры, счастливые и довольные, мало знали о том, что происходило в холодной рассудительной голове Чарльса Франсиса Адамса Голойтли, десяти лет от роду; почему рот Бенъямина Франклина Дженкинса, семи лет, складывался в презрительную усмешку; или какой огонек горел в смелых, голубых глазах Бромлея Читтерлигса, шести с половиною лет от роду, когда они все трое сидели во время отдохновения в углу места, предназначенного для детских игр. Их единственный товарищ и поверенный был негр, школьный привратник, известный под именем «Пирата Джима».

Прозвище было дано ему верно, как это ясно видно по его прежней бурной карьере, в которой он открыто признался своим благородным молодым друзьям. Раб в семнадцать лет, в двадцать лет предводитель возмущения на африканском берегу, потом корсар в последнюю войну с Англией, в двадцать пять лет он командовал брандером и единственный уцелел на нем; он вел дикую кипучую жизнь настоящего пирата, до тех пор, пока восстание не призвало его снова на службу гражданина, а наступивший мир и стремление в сельской тиши заставили его принять место привратника в доэмовильской академии, где вопросов не задавали и рекомендаций не требовали – он был без сомнений достойный ментор для наших смельчаков. Хотя он уже перешел за границы лет, обыкновенно полагаемых пределом жизни человека, – сосчитав

различные эпизоды его карьеры, ему должно было быть около ста пятидесяти-девяти лет, – но на вид он был еще не стар, все еще здоров и силен.

– Да, – продолжал критическим тоном пират Джим: – я не думаю, чтобы он был выше вас ростом, мистер Читтердингс, да был ли он еще вашего роста, когда стоя на палубе моего корабля он убил выстрелом капитана корабля Восточной Индии. Мы называли его маленький Вивильс, он был так мал. Но бог с вами, мальчуганы! он ничего был в сравнении с маленьким Самми Бардо, который пробрался в каюту капитана на русском фрегате и поразил его ножом прямо в сердце, затем надел мундир капитана и его шляпу с перьями, и принял начальство над кораблем.

– Не было ли платье капитана для него велико? – спросил Б. Франклин Дженкинс заботливо.

Привратник взглянул на Дженкинса с оскорбленным достоинством.

– Не сказал ли я, что русский капитан был человек очень маленького роста; русские – малы ростом, как и греки.

Благородный восторг горел в глазах юных героев.

– Был ли Барло так же велик, как я? – спросил Ч. Ф. Адамс Голэйтли, отбрасывая назад кудри с своего юпитеровского чела.

– Да, у него, так сказать, была опытность. Слухи ходили, что он уходил своего школьного учителя прежде, нежели, пошел в море. Но это пустая болтовня, друзья мои.

Голэйтли вытащил из своей куртки фляжку и подал ее привратнику. Это была самая лучшая водка его отца. Это тронуло сердце честного старого моряка.

– Бог да благословит тебя, мой мальчик-пират – сказал он, задыхаясь от волнения.

– Я достал немного табаку, – сказал молодой Дженкинс, – но он мелко нарезан; теперь я только его употребляю.

– Я могу купить все, что нужно в мелочной лавке на углу, – сказал пират Джим: – но я оставил свое портмоне дома.

– Возьмите эти часы, – сказал молодой Голэйтли, – это отцовские. С тех пор, что он стал тираном и завладел чужою собственностью и заставил меня поступить в шайку корсара, я начал с того, что разделил нашу собственность.

– Это все пустяки, – сказал задорно колодой Читтерлингс. – Каждая минута дорога. Время ли теперь заниматься вином и бражничать? Ха, нам нужно дела – дела! Мы должны сегодня ночью сражаться за свободу – и, именно в эту ночь. Шкуна уже на якоре у мельничной плотины, нагруженная провизией для трех-месячного плавания. У меня черный флаг в кармане. К чему же откладывать, ведь это трусость?

Двое старших мальчиков с легким чувством стыда и страха взглянули на разгоревшиеся щеки и высоко поднятую голову с торчащим хохлом волос младшего товарища – блестящего, красивого Бромлея Читтерлингса. Увы! эта минута забывчивости и обоюдного восхищения была исполнена опасности. К ним подошел худой, болезненный, полуголодный учитель.

– Молодые люди, вам пора приняться опять за ваши занятия, – сказал он с сатанинской вежливостью.

То были его последние слова на земле.

– Долой, тиран! – воскликнул Читтерлингс.

– Sic ему – я хочу сказать «sic semper tyrannie!» – сказал классик Голэйтли¹.

Тяжелый удар в голову палкой и деревянный шар, быстро брошенный в его пустой желудок, замертво уложили на полу учителя. Голэйтли вздрогнул.

Пусть мои молодые читатели не осудят его слишком поспешно. Это было его первое убийство.

---

¹ Он повторяет известные слова убийцы Линкольна.

– Обыщите его карманы, – сказал практический Дженкинс.
Они это исполнили и не нашли ничего кроме каталога Гарварда за три года.
– Бежим, – сказал Дженкинс.
– Вперед в лодкам! – воскликнул энтузиаст Читтерлингс.
Но Ч. Ф. Адамс Голэйтли в раздумье стоял, глядя на лежащего учителя.
– Вот, – сказал он спокойно, – результат слишком свободного правления и нашей школьной системы. Страна требует реформ. Я не могу отправиться с вами.
– Изменник! – воскликнули остальные.
Ч. Ф. А. Голэйтли грустно улыбнулся.
– Вы меня не знаете. Я не сделаюсь пиратом, а членом конгресса!
Дженкинс и Читтерлингс побледнело.
– Я уже организовал два собрания в кегельном клубе, и подкупах делегатов другого клуба.
Нет, не отвращайтесь от меня. Будем друзьями, преследуя различными путями одну общую цель. Прощайте! – Они пожали друг другу руки.
– Но где Пират Джим? – спросил Дженкинс.
Он на минуту покинул нас, чтобы получить деньги за заложенные часы для покупки вооружения для шкуны. Прощайте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.